

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ | WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Научная статья | Original paper

Загадочный алогизм — яркая идиостилевая черта текстов О.Э. Мандельштама

В.А. Галстян✉

Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

✉ vreingalstyan@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Изучение алогизмов в творчестве Мандельштама позволяет глубже понять механизмы формирования его индивидуального стиля, а также расширяет представление о роли языковых новаций и экспериментальных приёмов в русской поэзии XX века. Это важно для развития теории идиостиля и лингвистической интерпретации художественного текста. **Цель.** Проанализировать особенности использования алогизмов в поэтике Осипа Мандельштама и определить их роль в формировании идиостиля поэта. **Гипотеза.** Алогизмы в текстах Мандельштама являются ключевым средством индивидуализации стиля автора, поскольку отражают его отношение к языку, служат для усиления экспрессивности текста, указывают на внутреннюю противоречивость языковой личности. **Методы и материалы.** В исследовании использовались методы нацеленной выборки единиц. Концептологический метод. Лингвокультурологический метод. Метод исследования словарных дефиниций. Основной материал исследования — автобиографическая проза Мандельштама и его публицистические тексты, характеризующиеся яркими алогизмами. **Результаты.** Исследование показало, что алогизмы у Мандельштама выполняют разнообразные стилистические функции: создание ритмико-звукового колорита; передача сложных эмоциональных состояний через необычные сочетания слов. Использование алогизмов способствует формированию яркой стилеобразующей черты поэта, делая его идиостиль узнаваемым и неповторимым. **Выводы.** Алогизмы в творчестве Мандельштама — это важные художественные средства образности, заслуживающие изучения как ключевые в прозе автора. Они служат инструментом выражения внутренних противоречий, создания загадок, интригующих читателя, отражают поиски нового в поэтике и создают особую эстетическую атмосферу мандельштамовских произведений. Исследование подтверждает значимость алогизмов для текстов русской литературы начала XX века.

Ключевые слова: алогизм, идиостиль, поэтика, О.Э. Мандельштам

Галстян В.А. (2025)
Загадочный алогизм — яркая идиостилевая черта текстов
О.Э. Мандельштама
Язык и текст, 12(4), 93—99.

Galstyan V.A. (2025)
Mysterious alogism is a striking idiostyle feature of
O.E. Mandelstam's texts
Language and Text, 12(4), 93—99.

Для цитирования: Галстян, В.А. (2025). Загадочный алогизм — яркая идиостилевая черта текстов О.Э. Мандельштама. *Язык и текст*, 12(4), 93—99.
<https://doi.org/10.17759/langt.2025120408>

Mysterious alogism is a striking idiostyle feature of O.E. Mandelstam's texts

V.A. Galstyan✉

State University of Education, Moscow, Russian Federation

✉ vreinggalstyan@mail.ru

Abstract

Context and relevance. Studying alogisms in Mandelstam's work allows us to gain a deeper understanding of the mechanisms underlying the development of his distinctive style and expands our understanding of the role of linguistic innovations and experimental techniques in 20th-century Russian poetry. This is important for the development of idiostyle theory and the linguistic interpretation of literary text.

Objective. To analyze the features of the use of alogisms in the poetics of Osip Mandelstam and determine their role in the formation of the poet's idiostyle.

Hypothesis. Alogisms in Mandelstam's texts are a key means of individualizing the author's style, since they reflect his attitude to language, serve to enhance the expressiveness of the text, and indicate the internal contradictions of the linguistic personality.

Methods and materials. The study utilized purposive sampling methods, a conceptual method, a linguocultural method, and a dictionary definitions method. The primary research material is Mandelstam's autobiographical prose and his journalistic texts, characterized by striking illogicalities. **Results.** The study showed that alogisms in Mandelstam serve a variety of stylistic functions: creating a rhythmic and sonic flavor; conveying complex emotional states through unusual word combinations. The use of alogisms contributes to the poet's distinctive style, making his idiostyle recognizable and unique. **Conclusions.** Alogisms in Mandelstam's works are important artistic devices, worthy of study as key to the author's prose. They serve as a tool for expressing internal contradictions, creating riddles that intrigue the reader, reflecting his search for novelty in poetics, and creating a distinctive aesthetic atmosphere in Mandelstam's works. This study confirms the significance of alogisms in Russian literary texts of the early 20th century.

Keywords: alogism, idiostyle, poetics, O.E. Mandelstam

For citation: Galstyan, V.A. (2025). Mysterious alogism is a striking idiostyle feature of O.E. Mandelstam's texts. *Language and Text*, 12(4), 93—99. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/langt.2025120408>

Введение

Осип Мандельштам — один из ярчайших представителей русской поэзии Серебряного века, чьи прозаические тексты также отличаются богатством образов и сложной структурой.

В его произведениях нередко встречаются оксюморонные алогизмы — воплощение стилистического приёма, воздействующего как загадка на адресата-читателя. В них автором сталкиваются противоположные понятия и идеи, за счет чего создается эффект внутреннего противоречия. Алогизмы позволяют автору передать многослойность личных переживаний, указать на противоречивость памяти и подчеркнуть особенности восприятия времени.

Алогизм как доминирующая черта идиостиля писателя

Основным для О.Э. Мандельштама в его текстах всегда оставался язык, что отмечают исследователи: «Для того чтобы погрузить читателя в «чужое» пространство, Мандельштаму достаточно воссоздать речевой образ национального языка. Под речевым образом национального языка мы будем понимать «воплощенную в художественном произведении совокупность фонетических, лексических, графических и культурно-функциональных характеристик конкретного языка» (Голубева, 2022, с. 237).

Необходимо подчеркнуть важность исследования такой черты идиостиля писателя, как нарушение лексической сочетаемости, благодаря чему создается загадочный алогизм, основанный на оксюморе, который проявляет противоречия: «Характерными чертами этой группы средств выступают, в первую очередь, наличие противоречия между отдельными составляющими контекста и, как следствие, эксплицитно выраженное или имплицитно подразумеваемое отрицание одних текстовых составляющих другими, а также одновременная реализация отношений «контраста и тождества» между элементами контекста» (Яшина, 2010, с. 826). В.И. Карасик считает, что намеренный алогизм используется с особыми прагматическими установками, состоящими «в построении комического эффекта либо в попытке выйти на новое, необычное осмысление и обозначение какого-либо состояния, качества или явления» (Карасик, 2022, с. 116). В процессе исследования нами выявлены такие контексты в прозе О.Э. Мандельштама: *Кругом были не дай Бог какие **веселенькие** домики с **низкими** душонками и **трусливо** поставленными окнами¹; Разлука — младшая сестра смерти. Для того, кто уважает резоны судьбы, — есть в проводах **зловеще-свадебное** оживление; Больше грибов мне нравились **готические** хвойные шишки и **лицемерные** желуди в **монашеских** шапочках; И как-то я увидел **пляску смерти** — **брачный танец** фосфорических букашек*. Частота их использования автором позволяет заключить, что оксюморонные алогизмы выступают как средство выражения внутреннего конфликта и экзистенциальной неопределённости в текстах О.Э. Мандельштама, поскольку оксюмороном является «совмещение несовместимых противоречивых, противоположных слов и понятий, при котором его составляющие не уничтожают и не нивелируют друг друга, а сохраняются в полном объёме своих значений, отображая принципиально новое явление или его новое состояние» (Шестакова, 2009, с. 62). Иными словами, для осмысления оксюморонного словосочетания важно соотнести значения составляющих его компонентов и оценить возникающие вследствие столкновения их смыслов инновационные контекстуально обусловленные семы, важные для реализации какой-либо авторской интенции. Рассмотрим лексические значения оксюморонных

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по: Мандельштам О. Э. Воспоминания. Шум времени / авт.-сост. М. П. Николаева. — М.: Издательство АСТ, 2016. — 288 с.

словосочетаний и композитов, оценивая взаимодействие контекстуальных партнёров в тексте.

Контраст характеристики одного объекта: *веселенький* – *низкий*, *трусливый*. Диминутив *веселенький* образован с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-еньк-*; однако в контексте выступает с пренебрежительной коннотацией и негативным оценочным значением (см.: *не дай Бог какие «весёленькие домики с низкими душонками...»*), так как указывает на контраст внешнего и внутреннего – приятную глазу наружность этих домов, очевидно, нивелируют или принижают «низкие» душонки обитателей, скудная жизнь: речь, скорее всего, идёт о быте и нравах людей, живущих в них, поскольку вид жилища отражает душу и нрав хозяина: нельзя отрицать, что критически описаны именно устаревшие, возмущающие поэта отсталостью, несовременностью низкосортные строения с *трусливо* ('боязнь активной и открытой жизни, самостоятельного мышления') поставленными окнами. ««Трусами» определенно называют «трусливых людей», тогда как слово «трус» в единственном числе помнит и о других, не актуальных сегодня значениях. Толковый словарь В.И. Даля различает четыре таковых: 'буря и волнение, лютованье стихий' с пометой «стар.», 'землетрясение', 'трепет, страх и дрожь', 'робкий, боязливый человек и животное' (Даль, 1982, с. 437–438); толковый словарь мандельштамовского времени под редакцией Д.Н. Ушакова фиксирует омонимы: «трус» — 'робкий, трусливый человек' и «трус» (церк.-книжн. устар.) — 'землетрясение' (Ушаков, 1940, с. 816) — эти разошедшиеся до омонимичности значения восходят к одному старославянскому корню с семантикой трясения, тряски» (Сурат, 2024, с. 71).

«В оксюморе высшие смысловые единства образуют лексические единицы, которые в обыденной речи не могут быть частью тех же синтагматических целых» (Živa Benčić, 1991, с. 29).

Композит *зловеще-свадебный* указывает на осмысленную автором предопределённость некоторых жизненных событий. Данная метафора указывает на авторскую оценку *проводов*, которой подчёркивается, что в жизни есть моменты радости и тревоги, и они тесно сплетаются. Свадьба — это радостный, светлый праздник для человека, но в то же время он несёт в себе тревожный образ: расставание невестки с отчим домом, согласно мифологии, подразумевает смерть и зарождение её в новом месте (доме). В славянском фольклоре образ «брака» связан с образом «смерти»: «Брак (как и смерть) символизирует умирание (невесты, жениха), ассоциирующееся у славян с переходом к «чужой родне»» (Сковорода, 2000, с. 220). Перед вступлением в брак молодожёны преодолевают «порог дома, ворота двора, границу деревни, реку». «Как известно, в ночное время суток эти топосы враждебны человеку, а их пересечение сулит ему «скорую смерть»» (Сковорода, 2000, с. 221). Образ «свадьбы» и образ «смерти» создают целостную картину существования, где каждое начало связано с концом, а каждое завершение — с новым началом.

Остранный образ из мира природы – *жёлудь: лицемерный – монашеский*. Мандельштам намеренно совершает проекцию в оценке предмета, намекая на тот период, когда к монахам относились отрицательно, скептически, недоверчиво воспринимая образ чистого духом человека: *лицемерный* — потому что гладкий, блестящий, без зазубрин.

Созерцание столба вьющихся насекомых рождает поддержанный фоновыми знаниями языковой личности автора загадочный образ: *пляска смерти – брачный танец*.

С помощью оксюморона О.Э. Мандельштам заставляет задуматься и о парадоксальности человеческого существования. Использование оксюморонов позволяет писателю передать глубокие чувства и переживания, создаёт напряжение и усиливает эмоциональную выразительность его текстов: «В тугих контекстах Мандельштама отдалённые значения встречаются, скрещиваются или вступают друг с другом в борьбу», — отметила исследуемую нами идиостилевую особенность Лидия Гинзбург (Živa Benčić, 1991, с. 25).

В исследованных текстах О.Э. Мандельштама проявляет себя градация, подчёркивающая парадоксальность. Различие оксюморона и парадокса заключается в том, что в оксюморонных словосочетаниях смыслы логически не совместимы: *Мамикон, пожевав отвислой губернаторской губой, пропел своим неприятным верблюжьим голосом несколько стихов по-персидски; Из-под пальмовой коры выбивалась седая мочала театральных париков, и в парке, как шестипудовые свечи, каждый день стреляли вверх на вершок цветущие агавы*. Заслуживают внимания и такие алогизмы, которые основаны на «слиянии» конкретного с абстрактным, несоответствующие сравнения: *Она зыблема, как завещание, сделанное в здоровом уме и твердой памяти; Длинные седые усы этой бабочки имели остистое строение и в точности напоминали ветки на воротнике французского академика или серебряные пальмы, возлагаемые в лодочку*.

В текстах О.Э. Мандельштама, однако, наличествуют и высказывания с субъективной модальностью одобрения, выражающейся эмоционально окрашенными предложениями, в которых отмечаются загадочные для непосвященных коллокации: *шахские прихоти, природа – марсельеза, дедушка – юношеский гром красноречия* и др. (*Шахские прихоти парижского мэтра; Здравствуй, Сезанн! Славный дедушка; В понятие природы врывается марсельза! Да не умолкнет юношеский гром его красноречия!*). Под парижским мэтром Осип Эмильевич имеет в виду французского живописца Анри Матисса, которого писатель невзлюбил, считая его «художником богачей»: «... я невзлюбил Матисса, художника богачей. Красная краска его холстов шипит содой. Ему незнакома радость наливающихся плодов. Его могущественная кисть не исцеляет зрения, но бычьей силу ему придает, так что глаз наливается кровью. Уж эти мне ковровые шахматы и одалиски! Шахские прихоти парижского мэтра!». (Мандельштам очень хорошо разбирался в живописи и был ценителем изобразительного искусства.).

Заключение

Таким образом, оксюморон служит у О.Э. Мандельштама в прозе инструментом для придания произведению глубины и многослойности, способствует акцентуации сложности и противоречивости природы персонажей и их окружения посредством парадоксальных сочетаний, создающих новые смысловые оттенки и подчеркивающих внутреннюю динамику образов.

Исследователи неоднократно отмечали присутствие оксюморона и алогизма в поэтических текстах, рассматривая их как выразительные средства, демонстрирующие парадоксальность художественного мышления автора: «Поэты очень часто и охотно используют контекстуальные антонимы, и в том числе оксюморон, состоящий чаще всего из сочетаний слов различных частей речи» (Супряга, 2023, с. 255). Однако в данном случае важно подчеркнуть, что эти приемы активно проявляются и в прозаических произведениях. Именно в прозе алогичность выступает не просто как стилистический эффект, а как способ выражения особого, нестандартного взгляда на действительность.

Таким образом, можно уверенно заключить, что алогизм представляет собой ключевую идиостилевую черту, определяющую своеобразие авторского стиля и мировидения Осипа Мандельштама.

Список источников / References

1. Голубева, А.А. (2022). Репрезентация национально-культурного своеобразия языков мира в лирике О. Э. Мандельштама. *Стратегии межкультурного взаимодействия в контексте мирового образовательного пространства: Опыт и перспективы: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Ижевск, 28 ноября 2022 года / Сост. Л.А. Юшкова*. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 236-240.

Golubeva, A.A. (2022). Representation of the national and cultural uniqueness of the world's languages in the lyrics of O. E. Mandelstam. *Strategies for intercultural interaction in the context of the global educational space: Experience and prospects: Proceedings of the IX International scientific and practical conference, Izhevsk, November 28, 2022 / Comp. L. A. Yushkova*. Izhevsk: Udmurt State University, 236-240. (In Russ.).

2. Карасик, В.И. (2022). Оксюморон в языковом сознании и коммуникативной практике. *Социальные и гуманитарные знания*, 8, 1(29), 114-123.

Karasik, V.I. (2022). Oxymoron in linguistic consciousness and communicative practice. *Social and humanitarian knowledge*, 8, 1(29), 114-123. (In Russ.).

3. Половина, Л.В. (2023). Оксюмороны в речи и художественной литературе. *Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXXI Международной научно-практической конференции. Пенза, 20 февраля 2023 года*. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 116-118.

Polovina, L.V. (2023). Oxymorons in speech and fiction. *Modern scientific research: current issues, achievements and innovations: collected articles from the XXXI International scientific and practical conference. Penza, February 20, 2023*. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G. Yu.), 116-118. (In Russ.).

4. Сковорода, Е.В. (2000). Славянские представления о «свадьбе-похоронах» и их отражение в романтическом балладном жанре. *Славянский альманах*. № 1999.

Skovoroda, E.V. (2000). Slavic ideas about the "wedding-funeral" and their reflection in the romantic ballad genre. *Slavic almanac*. No. 1999. (In Russ.).

5. Супряга, С.В. (2023). Оксюморон в творчестве поэтов конца XIX-начала XX века. *ТЯиМК*, 3 (50), 255.

Supryaga, S.V. (2023). Oxymoron in the Works of Poets of the Late 19th-Early 20th Centuries. *TYaiMK*, 3 (50), 255. (In Russ.).

6. Сурат, И.З. (2024). Поэтика смыслового расширения. Заметки о словаре Осипа Мандельштама. *Русская речь*, 3, 71.

Surat, I.Z. (2024). Poetics of semantic expansion. Notes on the dictionary of Osip Mandelstam. *Russian speech*, 3, 71. (In Russ.).

Галстян В.А. (2025)
Загадочный алогизм — яркая идиостилевая черта текстов
О.Э. Мандельштама
Язык и текст, 12(4), 93—99.

Galstyan V.A. (2025)
Mysterious alogism is a striking idiostyle feature of
O.E. Mandelstam's texts
Language and Text, 12(4), 93—99.

7. Шестакова, Э.Г. (2009). *Оксюморон как категория поэтики (на материале русской поэзии XIX- первой трети XX веков)*. Донецк, 62.

Shestakova, E.G. (2009). *Oxymoron as a category of poetics (based on Russian poetry of the 19th - first third of the 20th centuries)*. Donetsk, 62. (In Russ.).

8. Živa Benčić (1991). Оксюморон у Мандельштама. *Russian Literature*, 29, 1, 25-45.

Živa Benčić (1991). Oxymoron in Mandelstam. *Russian Literature*, 29, 1, 25-45. (In Russ.).

9. Яшина, Е.А. (2010). Оксюморон как средство создания алогизма в художественном тексте. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, 12 (5-3), 826-831.

Yashina, E.A. (2010). Oxymoron as a Means of Creating Alogism in a Fiction Text. *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 12 (5-3), 826-831. (In Russ.).

Информация об авторе

Вергине Акоповна Галстян, аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта, Государственный университет просвещения (ФГАОУ ВО ГУП), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0101-7939>, e-mail: vreinggalstyan@mail.ru

Information about the author

Vergine A. Galstyan, postgraduate student, Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant, State University of Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0101-7939>, e-mail: vreinggalstyan@mail.ru

Поступила в редакцию 31.10.2025
Поступила после рецензирования 20.11.2025
Принята к публикации 30.11.2025
Опубликована 05.12.2025

Received 2025.10.31
Revised 2025.11.20
Accepted 2025.11.30
Published 2025.12.05